

## ГЛАВА 1

Дверь камеры захлопнулась за спиной Саймона. Приговорен к свободе. Приговор окончательный и бесповоротный, обжалованию не подлежит.

— Ты долго собираешься здесь торчать? — спросил надзиратель.

Клисс в последний раз оглянулся на закрытую дверь. В течение восьми лет это была его камера. Его раковина, его скорлупа, его крепость... С чем еще можно сравнить убежище, где ты спрятан и защищен от враждебного мира?

Его обманули. Восемь лет назад ему обещали пожизненное заключение. Это устраивало всех — и Саймона, и тех, кто пострадал от его действий. Однако Ниарская Ассоциация Правозащитников добилась помилования (Саймон Клисс совершал преступления, будучи мейцанистом, а теперь его избавили от зависимости, так что нужно было дать ему шанс начать новую жизнь), и его выкинули отсюда, как умирающую собаку из конуры. Мнение самого Саймона насчет новой жизни никого не интересовало; когда он начинал объяснять, что не хочет на волю, нанятый правозащитниками проныра-адвокат обращал это в козырь: мол, сами видите, у Климса есть совесть!

Он побрел по длинному коридору, залитому светом плазменных ламп. Надзиратель и двое охранников шли следом, тележка с пожитками Саймона катилась впереди — механический провожатый, указывающий дорогу к вратам преисподней. Не обязательно умирать, чтобы попасть в преисподнюю: она снаружи, за стенами тюрьмы.

Стальной шлюз. Лифт. Еще один шлюз. Тюремный двор накрыт раздвижной решеткой и мерцающим, как гигантский мыльный пузырь, силовым куполом. Ворота с последним шлюзом. Саймон замедлил шаги, охранников это злило.

За воротами его встречали представители Ниарской Ассоциации Правозащитников и журналисты. Кто-то сунул ему в руки букет растрепанных белых цветов. Саймон попытался, но стальные створки позади уже успели сомкнуться. Его оставили на растерзание толпе, ветру и мартовскому солнцу: в преисподней была весна. Обжалованию не подлежит.

Правозащитники поздравляли его с освобождением. Потом журналистка с ежиком зеленых волос и толстыми алыми ресницами, похожими на тычинки цветка, спросила, что Саймон собирается делать дальше. Хороший вопрос! Хотел бы он сам это знать.

Что он собирается делать сегодня — это ему уже объяснили: он отправится вместе с правозащитниками на их банкет по случаю очередной победы над ниарским правосудием. Видимо, в качестве почетного гостя. Вытащить из тюрьмы эксцессера — это была непростая задача: восемь лет назад Саймона посадили отнюдь не за кражу бумажника из чужого кармана.

Его начали деликатно подталкивать к аэробусу, Клисс вместе со всеми забрался внутрь. Букет мешал, он протянул его журналистке с алыми ресницами-тычинками. Та взяла цветы, улыбнулась и подала Саймону сверкнувшую лазерными переливами визитную карточку: Лейла Шемс, сетевой информ-клуб «Инфория». Значок в углу указывал на то, что карточка с прямым доступом. Саймон машинально спрятал ее в карман.

Лейла Шемс смотрела выжидающе, яркие полные губы приоткрылись в улыбке, приглашая к контакту. Саймон забился в кресло возле иллюминатора и отвернулся: его всегда пугали напористые девицы, вдобавок у репортера «Инфории» слишком агрессивные духи. За восемь лет он привык к стерильной атмосфере тюремной камеры и сейчас, вдыхая аромат охваченных цветением призрачных джунглей, чувствовал себя жертвой газовой атаки.

Аэробус поднялся в воздух, Саймон делал вид, что погружен в созерцание солнечного пространства за иллюминатором. Куда он теперь денется? Кому он нужен? Кто-то дотрагивался до его колена — наверное, Шемс, — но он не оборачивался. Вся эта жизнерадостная компания, которая

выцарапала его из тюрьмы и куда-то тащит, чтобы использовать в своих интересах, внушала ему нарастающий ужас.

Штаб-квартира Ассоциации размещалась в здании с позолоченным шпилем и колоннами из сияющего белого люминогласа. Аэробус опустился на парковочную площадку, пассажиры начали выходить. Снаружи их ждали слетевшиеся на банкет гости, в воздухе над лестницей развернулся большой мобильный экран для прямой трансляции. Саймон увидел там своих опекунов, улыбающихся и полных энтузиазма, Лейлу Шемс, похожую на цветущую ядовитую колючку, себя — тощего, бледного, с мертвецкой синевой под глазами. Каким же он выглядел потерянным! Длилось это несколько секунд, потом на экране остались правозащитники и журналисты, а Саймон Клисс исчез.

Смыться надо вовремя, пока в тебя не вцепились мертвой хваткой. Он больше не арестант и может идти куда захочет, — это до сих пор казалось Саймону странным. Никто его не держал, так что он просто юркнул в толпу и быстро зашагал по улице, лавируя среди прохожих. На ходу поднял воротник поношенной спортивной куртки. Вещи остались в аэробусе... Там не было ничего ценного: одежда, которую прислали из какого-то благотворительного фонда, крем-депилятор, зубная щетка и книга — «Уголовное право Ниара», тюремная администрация вручает такую каждому, кто выходит на волю. Все это можно бросить.

Трехъярусный тротуар петлял среди многоэтажных зданий. Саймон поднялся на второй ярус: здесь поменьше народа, чем внизу, и в то же время нет риска, что тебя заметят с воздуха — а то вдруг правозащитники снарядят погоню! За перилами то расцветали, то гасли рекламные голограммы: «Летайте космолайнерами «Трансвакуума», «Заведи себе виртуальный гарем!», «Хочешь быть самой красивой? Найди себя в Большой Галактической энциклопедии эталонов красоты! Заказать ее можно...», «Защрауйте свое тело от похищения! Если в ваше тело переместилась другая личность, вас выручит только страховка!»

Саймон невольно втянул голову в плечи. Эта жуть появилась, пока он сидел в тюрьме, восемь лет назад не было никаких перемещений из тела в тело. А интересно, кому в

таком случае выплачивают страховку? Об этом реклама умалчивала.

Район был смутно знаком Саймону, он бывал здесь до того, как угодил за решетку. Вроде бы за следующим поворотом будет стеклянное здание в виде раскрытой книги, и у его подножия спуск в подземку. Так и есть. Саймон вздрогнул. На стеклянном фасаде кишели роботы — словно насекомые, облепившие падаль. Как на Рутане десять лет назад... Или не десять, а одиннадцать?..

Саймон Клисс, один из ведущих эксцессеров «Перископа», натравил рутанианских религиозных экстремистов на ученых, исследовавших знаменитые хрустальные пляжи Рутаны; сколько же трупов лежало тогда среди сверкающих дюн, на веществе, напоминающем стеклянную крупу, и по ним ползали серые волосатые создания с тонкими хоботками — они обитали в норках на пляже. До чего проклятые роботы-чистильщики на них похожи...

Он торопливо спустился вниз и направился к подземке, избегая смотреть на пожираемое роботами здание. Надо раздобыть какой-нибудь дешевый стимулятор, который обеспечит ему сносное самочувствие. И жилье — чтобы было где прятаться.

Пневмопоезд доставил Клисса на западную окраину Хризополиса. Здесь можно недорого снять квартиру; к тому же Саймон, как только что вышедший из мест заключения, в течение двух месяцев имел право на бесплатное муниципальное жилье. Пришлось зарегистрироваться в районном полицейском отделении, зато он получил электронную карточку жильца-льготника и направился к длинному, как крепостная стена, серому дому. Он был насторожен и взвинчен: слишком уж все идет гладко — значит, впереди поджидает какая-то пакость.

Робот-консьерж забрал карточку и выдал ключ от свободной квартиры. Лифт не работал — первая подлянка, отметил Саймон. Обшарпанные лестницы и коридоры, светлое покрытие стен исцарапано, испещрено матерными надписями, изъедено брызгами кислоты. Квартира номер 353 находилась в конце коридора, который упирался в застекленную лоджию. Из лоджии доносились невнятные голоса.

Саймон знал, кто обычно гнездится в муниципальных домах: всякая малообразованная шушера, алкоголики, бомжи, которых власти силком загоняют в бесплатное жилье, лишь бы те не оскверняли своим присутствием подземку и городские скверы. И ему придется жить с ними бок о бок! Он остановился перед дверью, которая влажно блестела, словно ее недавно протер робот-уборщик, и все же выглядела безнадежно грязной из-за ввевшихся в пластик пятен и потеков неопределенного происхождения.

— Эй, паря!.. Ты, слышишь! Подь сюда!

В голосе не было враждебности, только нетрезвая настойчивость. Поскольку Саймон не смог с первой попытки вставить электронный ключ в прорезь, он с улыбкой обернулся: некогда его, как и всех эксцессеров, учили избегать агрессии — гасить ее либо перенаправлять на другую цель.

Из проема лоджии выглядывал небритый мужчина в испачканной пижаме с выцветшим, почти неразличимым призывом делать по утрам зарядку и клетчатых штанах до колен.

— Ты это, новый жилец? — спросил он сипло. — Ну, иди сюда, познакомаемся, что ли...

Надо поддержать общение, иначе этот тип и его собутыльники невзлюбят Саймона. Ради собственной безопасности можно уделить им четверть часа. Но ни в коем случае не рассказывать о себе правду! Если здесь узнают, что он бывший эксцессер, ему несдобровать.

Саймон перешагнул через порог. Небесно-голубые стены, солнечные блики на полу, за грязным стеклом, на фоне мартовского неба, виден фрагмент соседнего дома. Кто сказал, что преисподняя — мрачное местечко? Она может выглядеть как вполне цивилизованный и привлекательный мир, но Саймон ни на секунду не забывал о том, где находится.

На складных стульчиках расположилось еще трое мужчин и две женщины — все немолодые, обрюзгшие, неряшливо одетые, с одуловатыми лицами. Саймон немного успокоился: не шпана. Может, лет сорок-пятьдесят назад они и были шпаной, но сейчас для них главное удовольствие — не набрасываться дружной стаей на одинокого про-

хожего, а сидеть в укромном уголке и глушить «Ремонтную» или «Хакерскую». На пластиковом ящике посередине стояло несколько бутылок и одноразовые стаканчики. Саймону сразу налили водки. Отхлебнув жгучей дряни, он закашлялся (в тюрьме отвык от спиртного) и подумал, что все-таки угодил на банкет, никуда от судьбы не денешься... Тогда уж стоило остаться с правозащитниками: те наверняка закупили для своего торжества напитки получше, чем «Хакерская» водка.

Начались расспросы. Клисс признался, что отмотал срок (нет смысла это скрывать, раз зарегистрировался), что посадили его за угон аэрокара в невменяемом состоянии (среди его преступлений было, кажется, и такое). Присутствующие оживились: каждый из них хоть раз в жизни да попадал в каталажку. Саймон в этом и не сомневался — достаточно поглядеть на их рожи!

Похоже, здесь давно уже не было новых жильцов, личность Саймона вызвала у этой компании назойливый интерес. За восемь лет заключения он растерял свои прежние навыки, поэтому сейчас мямлил, зависал и довольно бездарно темнил, а собутыльники от него не отставали. Одна дотошная стерва начала допытываться, почему он за угон аэрокара сидел восемь лет, если по этой статье не дают больше двух, и то при отягчающих обстоятельствах. Саймон выругался и сказал, что действительно отсидел два года, а «восемь» вырвалось случайно, перепутал. Больной он, поэтому иногда говорит не то.

— Чем болеешь-то? — спросила женщина.

И тут Саймона осенило.

— Амнезия у меня! — объяснил он. — Потеря памяти. Что со мной случилось сегодня, я еще помню, а что было раньше — ну, совсем забыл... Я почти не помню, кто я такой.

После этого он взял свой стаканчик и допил «Хакерскую». В лоджии воцарилась мертвая тишина, только с тупым упорством билась о стекло очнувшаяся от спячки муха да кто-то из компании хрипло и неровно дышал. Радуюсь, что все заткнулись, Саймон поставил стаканчик на ящик, с трудом поднялся — руки и ноги отяжелели, он опрокинул продавленный складной стульчик. Собутыльники

тоже повставали и начали переглядываться; он не мог понять, что означает эта странная игра взглядов, но ощутил беспокойство. Сидеть осталась только женщина с коллекцией блестящих заколок в засаленных волосах мышинового цвета, она прижала к щекам ладони и смотрела на Саймона так, словно готовилась закричать.

— Ладно, я пойду, — сказал Саймон.

Все закивали. Мужчина, который пригласил его, взял с ящика бутылку, размахнулся... Саймон успел понять, что сейчас произойдет: вот она, вторая подлянка!

Очнулся он от того, что на лицо ему лили водку. Голова болела. Он лежал на полу все в той же лоджии, руки и ноги связаны.

— Смотрит, гаденыш! — объявил тот, кто поливал его «Хакерской». — У-у, прорва... Сознавайся, в кого из нас вселиться хотел?

— Щас полицию вызовем! — пригрозил другой. — А вы это, привяжите его к чему-нибудь... Если он тот самый, он исчезать умеет, предупреждали же!

Женщина с заколками сорвала натянутую вдоль стекла бельевую веревку; мужчины один конец обмотали вокруг шеи Саймона, чуть не придушив его, а второй привязали к ручке облезлой двери.

— Теперь не теле... как это... не телепокнешься! — злобно сообщила Саймону женщина. — Ох и врал... Сколько за него Космопол отвалит, если он тот самый?

— Много! — отозвался, расплываясь в пьяной улыбке, мужчина в грязной майке, с эмблемой спортивного клуба «Удар-Пульсар», то ли вживленной, то ли наклеенной возле правого виска. — Целый год будем пить! Усремся, но все пропьем!

«Это что же, меня выпустили — и тут же объявили розыск? Зачем? Кто за этим стоит?»

— А если он вместе с дверью исчезнет? — выказал опасение самый немногословный из компании. — Тогда у нас ни награды, ни двери...

— Дык он же удувится, если начнет исчезать!

— А если не удувится?

Мужчина в пижаме вытащил из кармана передатчик и

попытался с кем-то связаться, выругался, стукнул передатчиком о стенку и снова набрал код.

— Полиция?.. Мы здесь это... Оборотня поймали! Говорит, амнезия, а у самого глаза так и бегают! Он точно не сможет без своей машины в живого человека перескочить?.. Вы это самое, прилетайте, заберите его, пока не исчез!

Саймон уже перестал удивляться: в преисподней специфическая логика. Веревка давила на горло, но он не смел пошевелиться. Может быть, полицейские отвезут его обратно в тюрьму? Скорее бы... Алкаши сгрудились возле двери, все они сжимали в руках пустые бутылки и карманные ножи и смотрели на Клисса так, словно он был живой миной, готовой в любую секунду рвануть.

Наконец послышался шум, в лоджию ворвался полицейский патруль.

— Документы!

— Во внутреннем кармане куртки, — прохрипел Саймон. — Если меня надо арестовать, зачем меня тогда сегодня выпустили?

Вскоре Клисса идентифицировали, развязали и обругали за то, что спровоцировал ложный вызов. Один из полицейских включил браслет-передатчик и кому-то объяснил:

— Как обычно. Здешняя пьянь поймала еще одного Лиргисо. Которого — двести шестьдесят четвертого?.. Этот массовый психоз у меня уже в печенках, штрафовать за это надо!

— Он же вселиться в кого хошь может! — Алкаш в пиджаке, услышав это, счел себя обиженным. — Сообщали же! Раз — и захватит чужое тело, а амнезия, говорили, верный признак, он же не помнит того, чего сам человек помнил...

— Да кому нужны ваши насквозь проспиритованные тела! — скривился полицейский. — Журналисты, ..., психоз накачивают!

И посмотрел на Саймона так, словно тот был одним из этих журналистов. Бывший эксцессер оскорбился (сравнить его с обыкновенным журналистом — все равно что пилота космолайнера сравнить с оператором автопогрузчика), однако благоразумно промолчал.



Все получили по инъекции протрезвляющего препарата; Саймон тоже, но он-то как раз ничего не имел против, после «Хакерской» ему было нехорошо. Он покинул лоджию вместе с патрульными, поскорее отпер дверь триста пятьдесят третьей квартиры и юркнул внутрь.

Две небольшие смежные комнаты, кухня, туалет, душевая. Все дочиста выскоблено роботом-уборщиком, но вид имеет неряшливый: пластик потускнел и потрескался, пол заляпан чем-то несмываемым, на стенах рубцы, словно кто-то здесь упражнялся в метании ножей. Слабый, но неистребимый запах чужого жилья. В окна бьет солнце. Саймон огляделся: никакой мебели, ни забытой прежними жильцами, ни выдвигной. Где он возьмет мебель?..

Он сел на пол, расчерченный желтоватыми полосками на коричневые ромбы, в стороне от белесого с прозеленью пятна, очертаниями напоминающего раздавленную лягушку. Какая-то гадость... И весь сегодняшний день — гадость. Едва выйдя на свободу, Саймон тут же получил приветик с того света, от своего бывшего шефа: ему виделось в этом дурное предзнаменование. В тюрьме он стал суеверным.

И Саймон Клисс, и Лиргисо, которого так боялись здешние обитатели, некогда работали на одного человека. По крайней мере, Саймон в ту пору считал своего шефа человеком. Ему и в голову не приходило, что Виллерт Руческел, благообразный пожилой джентльмен, собственник и руководитель скандально знаменитого «Перископа», может оказаться чем-то другим — например, захватившей человеческое тело инопланетной тварью.

Работа эксцессеров отличалась от работы обыкновенных репортеров: не искать катастрофы и скандалы, а создавать их из ничего и снимать шокирующие документальные фильмы. Шеф любил повторять, что люди — это всего лишь живое сырье. Когда Саймон, уже в тюрьме, узнал, кем был на самом деле его шеф, он припомнил эти слова и задним числом ужаснулся.

С «Перископом» восемь лет назад разделились мутант-экстрасенс Стив Баталов, которому компаньон Руческела приклеил кличку Гонщик, и его подруга Тина Хэдис, женщина-киборг, эмигрантка с Манокара. И ведь встрети-

лась эта парочка благодаря Саймону! Он хотел сделать фильм о том, как манокарцы казнят ренегатку, а вместо этого влип в неприятности. Гонщик и киборг выяснили все насчет «Перископа» и сбросили информацию в ниарскую Сеть; Саймону еще повезло, что его арестовали: многих его коллег «живое сырье» растерзало без суда, на то здесь и преисподняя! Только шеф сумел сбежать, но три года спустя преследователи его настигли — вот тогда-то Саймон и узнал, на какого хозяина работал.

Он сидел в тюрьме, в своей раковине-крепости, и никто не заставлял его смотреть телевизор, но он не мог удержаться: так принимают наркотик, вызывающий кошмарные видения. Саймон всегда был ксенофобом и считал это естественным для человека состоянием. Обнаружить, что твой бывший работодатель — вселившаяся в человеческое тело нелюдь, а ты столько раз находился с ним рядом, ты ему верил... От потрясения Саймон чуть не заболел.

Виллерт Руческел (или Сефаргл, как его звали по-настоящему) изначально был энбоно — представителем одной из трех разумных рас, населяющих Лярн. Эта чертова планетка пряталась в каком-то особом пространственном кармане, и в Галактике о ней до поры до времени никто не знал. Зато на Лярне были посвященные, которые о Галактике знали. После вооруженного переворота низвергнутый император Сефаргл воспользовался древней установкой для перемещения сознания и сбежал от повстанцев в человеческом теле. На протяжении нескольких столетий он жил то на Ниаре, то на Земле, то на других планетах, меняя по мере надобности тела, и постоянно поддерживал связь с подпольной организацией своих сторонников на Лярне. Потом Стив Баталов и Тина Хэдис добрались и до него, и до пространственного кармана.

Когда по телевизору показали энбоно, у Клисса началась истерика. Зеленые твари ростом с человека, усыпанные вживленными в кожу драгоценными камнями, с когтистыми шестипалыми руками, костяными гребнями и пучками подвижных слуховых отростков, похожих на миниатюрные щупальца. Мерзость... И таким был его шеф, которого Саймон считал стопроцентным человеком?! Клиссу внушали отвращение даже лысые серокожие не-

зийцы и краснобровые гинтийцы, которые в остальном не отличались от людей, что уж говорить о лярнийских уродах! Он валялся на полу камеры, визжал от омерзения и рыдал, а тюремные медики суетились над ним и сыпали непонятными терминами.

Сефаргла убил Лиргисо — его первый помощник на Лярне, переметнувшийся на сторону его преследователей. Несмотря на этот практичный поступок, Лиргисо грозило пожизненное заключение, но он сбежал из тюрьмы и повторил трюк своего покойного босса. Год назад его все-таки вычислили — все тот же Стив Баталов и какой-то сумасшедший полицейский с Неза. Ох и шума было! Преступник-энбона в течение четырех лет скрывался под личиной Криса Мерлея, ниарского бизнесмена, генерального директора строительной компании «Кристалон». К тому времени, как его разоблачили, он успел истребить почти всех родственников Криса Мерлея. Взять его не удалось: вдруг выяснилось, что он тоже экстрасенс и владеет телепортацией. Позже было найдено мертвое тело Криса Мерлея, но Космопол и ниарские власти отнеслись к этой находке скептически.

Саймон тогда смотрел выпуски новостей и радовался, что сидит в безопасном месте за решеткой. Граждан призывали соблюдать осторожность в контактах, не доверять обаятельным незнакомцам и немедленно сообщать в полицию, если кто-нибудь из окружающих вдруг начнет проявлять признаки амнезии. Новые соседи Саймона действовали по инструкции... Правда, их страх насчет того, что злодей с ходу в кого-нибудь «вселится», не имел оснований. Для перемещения нужна установка, начиненная сложнейшим оборудованием, похожая на сдвоенный саркофаг, — в тех передачах показывали ее примерные модели. Лиргисо обладал схемой такой установки. Сейчас он, вероятно, уже освоился в захваченном год назад теле и вряд ли просто так себя выдаст.

Саймон поежился. Хорошо, что он такой хилый и непривлекательный, на его тело никто не польстится. Он свернулся на полу, вдыхая почти выветрившиеся запахи чужого жилья и какой-то дезинфицирующей дряни, и снова подумал о своем сходстве с выброшенной на улицу собакой.

Пробуждение было мучительным. Он лежал на твердом, все затекло, голова болела, перед глазами — что-то желто-коричневое... Господи, во что превратилась его камера?! Здесь еще и холодно... Потом он вспомнил, что из тюрьмы его вышвырнули, и зажмурился от нахлынувшего отчаяния.

— Зачем я дала тебе свою визитную карточку?

Женский голос, презрительный и надменный. Саймон приподнял голову: на подоконнике сидела девушка. Меховые сапожки с блестящими зигзагообразными застежками. Костюм из малиновой кожи. Черные с красноватым отливом волосы ниспадают на плечи, густая челка до бровей. Длинные и толстые, как тычинки цветка, алые ресницы. Только по ресницам Саймон и узнал Лейлу Шемс, сотрудницу сетевого информ-клуба «Инфория».

— Зачем?

— Чтобы ты со мной связался.

Саймон опять уронил голову на пол. Пусть его оставят в покое.

Звук шагов. Он увидел совсем близко мохнатые бордовые сапожки Лейлы Шемс. Перекрещивающиеся зигзаги состояли из множества фигурных металлических сегментов. Дорогая обувь. Видимо, в «Инфории» журналистам платят не так уж плохо.

— Зачем? — повторил Саймон.

— Поедем к нам в офис. Тебя работа интересует?

— Меня ничего не интересует. Иди... без меня.

Он хотел сказать кое-что другое, но мелькнуло опасение, что Лейла его пнет.

— Ну уж нет! Я обещала Эмми, что я тебя привезу, — и я тебя привезу. Вставай!

— Зачем я вам понадобился?

— Будешь у нас работать, понял?

Саймон думал, что никогда не найдет приличную работу — с его-то криминальным эксцессерским прошлым! — а оказалось, что он в цене... Хотя кто знает, что такое «Инфория», и кто поручится, что Саймон Клисс понадобился им для приличной работы?

— Я никуда не пойду. Я теперь здесь живу. Я после тюрьмы еще не адаптировался.

— Послушай, у меня пистолет, заряженный капсулами с вектином. Подними свою тупую башку и посмотри! Сейчас получишь дозу и пойдешь со мной как миленький.

Саймон посмотрел: Лейла и правда держала небольшой пистолет.

— Не надо, — он вздохнул. — Я пойду сам. Только сначала соберусь.

— Черт, как ты будешь собираться, если у тебя ничего нет? Пошли, Эмми ждет.

— Эмми — это кто?

— Это наш босс.

«Такая же, как ты, сука», — про себя добавил Саймон.

Эта стерва с ресницами-тычинками не позволила ему запереть дверь в туалет (а он собирался закрыться там и переждать, пока она не уйдет) и ткнула в спину стволом пистолета вместо ответа на вопрос, как она попала в квартиру. Воспользовалась электронной отмычкой, как же еще... Они спустились вниз, сели в аэрокар. Теперь у Саймона двое противников: Лейла и пилот.

— Похищение... — еле слышно пробормотал Саймон, когда устроился в кресле.

— Какое похищение, тебя на работу принимают! — процедила Лейла, но пистолет не убрала.

Один из тех районов, где здания стоят на опорах-стеблях, вокруг них змеятся пешеходные эстакады, а внизу вся территория оккупирована мельтешащим наземным транспортом. Саймона пугали такие районы: ему казалось, что гигантский мегаполис, неживой, но тайно враждебный человеку, перешел здесь в наступление и исподтишка делает среду обитания неудобной для людей.

Аэрокар опустился на крышу синего стеклянного многогранника, нанизанного на невидимую сверху колонну.

— Выгружайся! — сквозь зубы приказала Лейла. Похоже, она вошла во вкус и чувствовала себя то ли спецагентом, то ли террористкой.

Саймон с обреченным вздохом подчинился. На площадке стояло довольно много машин, в граненой башенке в центре находился лифт. Бежать некуда.

Они спустились в холл седьмого этажа, где висела черная с алмазно мерцающими буквами табличка: «Информ-

клуб «Инфория». За дверью дежурил охранник — просто так отсюда не выйдешь. Саймон опять тоскливо вздохнул.

— Не вздыхай! — поморщилась его провожатая. — Надоело уже!

А фирма смахивает на приличную: офис в престижном районе, стильная обстановка... Может, и правда подвалил случай получить денежную работу, ни во что не вляпавшись? Чему здесь удивляться, эксцессы — это сливки журналистики, как говаривал шеф (бр-р, лучше не вспоминать о том, что он собой представлял).

Напряжение, не отпускавшее Саймона с той минуты, как он проснулся и обнаружил около себя Лейлу Шемс, начало угасать. Он развалился в кожаном кресле, закинул ногу на ногу, обвел взглядом помещение с большими экранами, утопленными в черных ворсистых стенах. Белый пол и белый потолок отличались друг от друга лишь тем, что на потолке сияла россыпь светильников. Окон не было. Лейла устроилась за плавно изогнутым белым столом — видимо, это ее рабочее место.

За другим столом сидел шиайтианин с лимонно-желтой кожей, плоским костистым лицом и прилизанными, блестящими от лака желтыми волосами. Шиайтиане — это почти люди, но Саймон все равно их недолюбливал, потому что происходят они не с Земли, а с Шиайта.

Стол в углу занимала высокая худая женщина раза в два старше Лейлы, с выпуклыми, как у птицы, глазами. Саймон решил, что это и есть Эмми, и с нетерпением ждал, когда же его ей представят, но она что-то просматривала у себя на мониторе и отвлекаться не собиралась.

Появился робот-официант: кофе на четверых и сладкие булочки. Это хорошо, а то у Саймона уже начинает урчать в животе. Спасаться ему расхотелось. Пожалуй, когда его спросят, согласен ли он работать в «Инфории», он скажет «да».

Женщина с блестящими птичьими глазами включила видефон. Саймон прислушивался к разговору, и душа его постепенно оттаивала: знакомо, очень знакомо! Он попал к своим.

— Ну, это же просто детский сад! — Ее приятный голос звучал покровительственно, с уничижительными нотка-

ми. — Сколько можно всех за ручку водить? Я была ра-зо-ча-ро-ва-на, понятно? — Многозначительная пауза, потом терпеливый вздох. — Даже не знаю, что это у вас получилось... Все не так, все совершенно не так!..

Речь шла о выполнении какой-то работы, требующей поправок. Вскоре Саймон уловил, что поправки нужны всего две, в общем-то, пустяковые, но как эта женщина разделала исполнителя! Она сумела внушить ему, что работа в принципе никуда не годится; используя мимическую игру и тщательно подобранные интонации, она изображала искреннее огорчение по поводу своих обманутых надежд, пренебрежительное удивление, материнское сочувствие, усталость, милосердную готовность дать собеседнику последний шанс. Саймон чуть не хихикнул вслух: как бывший эксцессер, он знал толк в таких играх. Наверняка эта женщина заплатит исполнителю вдвое меньше первоначально оговоренной суммы, а тот еще будет чувствовать себя счастливым, и поделом дураку! Не исключено, что Саймона Клисса и эту Эмми обучали технике эмоционального манипулирования по одним и тем же методикам. Совсем как в «Перископе» в лучшие времена; Саймон понял, что он тут приживется.

Женщина закончила разговор и выключила видеофон. Сейчас ее нездорово бледное молоджавое лицо было грустным, одухотворенным и почему-то по-детски обиженным. Впрочем, Саймон сообразил, что это тоже игра, и про себя заплодировал.

— Лейла, Хинар, от Эмми было распоряжение, чтобы мы посмотрели прямую трансляцию прибытия манокарского президента, — произнесла она с упреком. — Это же смыкается с нашим проектом... Всех надо за ручку водить! Сейчас будет посадка в Леверре, и никто до сих пор не включил...

«Ага, этих двоих она так же плющит, как того парня, — отметил Саймон. — Ушлая стерва!»

— А сама Эмми когда будет? — поинтересовался он вслух.

Женщина посмотрела на него так, как будто впервые заметила, терпеливо вздохнула — словно перед ней ребенок, сказавший глупость, — и после паузы сообщила:

— Эмми — это не она, а он. Эммануил Медо, наш директор.

— Я не знал, — попытался оправдаться Клисс.

Она адресовала Саймону еще один усталый вздох (можно подумать, он давно уже изводит ее дурацкими высказываниями) и повернулась к вспыхнувшему на стене экрану.

Космопорт в Леверре. Дипломатический сектор, где садятся корабли глав государств, членов Галактической Ассамблеи и послов высшего ранга. Делегация встречающих на гравиплатформе, в сером утреннем небе — окруженный аппаратами эскорта манокарский звездолет.

Когда на Саймона восемь лет назад лавиной обрушились неприятности, Манокар сыграл в этом не последнюю роль. Во-первых, Тина Хэдис — оттуда. Киборгом она стала по случайности: космолайнер с группой манокарцев на борту попал в катастрофу, и военные с Тергарона обратились к пострадавшим с предложением — нужны были добровольцы для экспериментальной операции по превращению человека в боевого киборга нового типа. Тина согласилась. Позже эксцессер Саймон Клисс спровоцировал драку между ней и Пенгавом, который вскоре стал президентом Манокара: публика обожает такие скандалчики. С тех пор Тину преследовали манокарские спецслужбы, а Саймон нет-нет да и задавался вопросом: что с ним будет, если женщина-киборг узнает, кому она обязана столь веселой жизнью? Он почти решил эту проблему, сдав Тину манокарским агентам на Рошегене, но тут вмешался Гонщик, он же Стив Баталов, и выручил проклятого киборга.

Это еще не все. Пусть Саймон не смог отснять материал о казни Тины Хэдис, он выкрутился: сделал фильм о криминальных похождениях сотрудника манокарских спецслужб Шидала. Кино получилось эффектное, шеф остался доволен, все было замечательно — пока сбежавший от своих Шидал не объявился на Ниаре и не начал гоняться за создателем фильма. Арестовали их вместе. Вовремя арестовали, мстительный манокарец чуть Саймона не поймал. Эксцессера отправили в тюрьму, а Шидал заявил, что он диссидент — борец против манокарского тоталитаризма, и попросил политического убежища. Потом его при-



влекла к сотрудничеству Ниарская Ассоциация Правозащитников, та самая, которой Саймон должен сказать спасибо за свое освобождение.

— Лейла, смотри, — оживился шийаитянин. — Телохранитель-экстрасенс.

Корабль сел, по трапу спускалась группа неотличимых друг от друга людей в черных масках и бронежилетах. Вот они остановились перед встречающими; один из них показал на журналистов и перебросился несколькими фразами с подошедшим ниарским офицером. Возникла заминка: полиция хотела удалить двух репортеров, те протестовали.

— Ничего себе, это же незаконно! — неодобрительно протянула женщина с птичьими глазами.

— Это согласовано с властями, — возразил Хинар. — Реформаторы опасаются покушения.

Двое журналистов, на которых указал человек в маске, перестали спорить и направились к полицейскому фургону.

— Их арестуют? — заинтересовался Саймон.

— Просто уберут подальше от манокарцев. — Хинар цедил объяснения, сохраняя на лице неприятную, слегка брезгливую гримасу. Клисс подумал, что желтокожий урод с Шийаита наверняка презирает настоящих людей. — Улик против них нет, они экстрасенсу не понравились.

— Все эти парни — президентские экстрасенсы? — Клисс делал вид, что не замечает его мины. — Все пятеро?

— Телохранитель-экстрасенс только один, остальные — это его телохранители.

Как в бородатом анекдоте. Саймон ухмыльнулся, а шийаитянин отвернулся к экрану.

— Я о нем слышала. — Женщина за столом в углу рассеянно посмотрела на свою сухощавую руку, напоминающую птичью лапу. — Говорят, он с Неза. Сначала работал в полиции, потом его оттуда выгнали за всякие фокусы, и он подался в телохранители к манокарскому президенту.

— Мошенники — это сливки с сахаром современного общества, — усмехнулся Саймон.

Женщина-птица снизошла до ответной улыбки, короткой и снисходительной. Стоит заручиться ее поддержкой:

похоже, что в иерархии «Инфории» она стоит выше, чем Хинар и Лейла.

По трапу спускались чиновники в роскошных мундирах, следом за ними появилась ее высокопревосходительство Элана Ришсем, президент Манокара. На ней было глухое черное платье с золотыми эполетами; вдовья вуаль, прикрепленная к прическе, откинута назад и колыхается черным облаком, что еще год назад для манокарки в общественном месте было бы немыслимо. Светловолосая, с безупречной осанкой, тонкими чертами лица и крупноватым носом; обязательный для манокарской вдовы макияж — нарисованные морщинки — отсутствует, только губы слегка подведены коричневой помадой. Госпожа Ришсем приветливо улыбалась и держалась с королевским достоинством.

Когда она сошла с трапа, к ней направился президент Ниара. Телохранители в масках — одеты они были одинаково, поди разберись, кто из них экстрасенс, — отступили в сторону.

В течение нескольких веков Манокар был миром замкнутым и реакционным, но после смерти президента Пенгава его преемник Ришсем начал проводить реформы, направленные на либерализацию режима. Потом он внезапно бросил эту затею и вернулся к традиционному для Манокара курсу, а в позапрошлом году его убили. Новым президентом стала его вторая жена Элана Ришсем. Как ей это удалось — на Манокаре, где женщины не имеют почти никаких прав, — можно было только гадать. Все и гадали, пока не выяснилось, что за спиной у нее стоят Тина Хэдис и Стив Баталов. Все та же парочка монстров, столько крови попортившая Саймону Клиссу, теперь они еще и в политику ударились!

Элана заявила, что продолжит реформы, начатые ее покойным супругом, — мол, такова была его последняя воля; в свое время он свернул их, поскольку на него оказывали давление, но она доведет дело до конца. С такой поддержкой доведет, кто бы сомневался...

Как Саймон радовался, когда в новостях проскочило сообщение о том, что Тина Хэдис убита на Незе манокар-

скими агентами! Потом выяснилось, что это была ошибка. Клисс расстроился, но не удивился: монстры живучи.

Тихий шорох раздвижной двери. Саймон оглянулся: в комнату вошел молодой человек лет двадцати пяти, стройный, длинноволосый, в костюме из темной переливчатой «зеркалки». Здраваться он не стал, молча присел на край Лейлиного стола. Зато Лейла, Хинар и женщина с птичьими глазами, обнаружив его присутствие, поздоровались очень тепло и вежливо. Саймон на всякий случай последовал их примеру.

Выполнив протокол, президенты сели в белый с золотыми обводами аэролимузин, сопровождающие тоже направились к машинам. Трансляция закончилась.

— Эмми, я раздобыла Саймона Клисса! — похвасталась Лейла.

Саймон хмыкнул. Значит, его «раздобыли»?.. Если сразу не перехватишь инициативу, тобой будут помыкать, это ясно... Эмми смерил его ироническим взглядом, словно хотел сказать: «Я ожидал чего-то большего».

Клисс, в свою очередь, разглядывал директора «Инфори»: красивое молодое лицо с благородно очерченным подбородком, безупречно прямой нос, холеные кисти рук. Глаза у Эмми были желтые, и вряд ли от природы — либо он носил золотистые контактные линзы, либо изменил цвет радужки в косметической клинике. Волосы трехцветные: каштановые пряди чередуются с сиреневыми и синими. Саймон подумал, что этот красавчик вполне мог бы работать манекеном.

— Господин Клисс, это господин Эммануил Медо, наш директор, — официально представила женщина-птица. В ее голосе сквозил упрек: что же вы все о формальностях забыли, разве так можно?

— Очень приятно. Джемина, узнайте, когда манокарский президент будет проводить пресс-конференцию, и оформите пропуск для Лейлы. Клисс, Лейла, пошли.

Эмми встал и направился к двери. Саймон замешкался (а стоит ли вот так сразу подчиняться — может, лучше показать характер?), но Лейла толкнула его в спину, и он чуть не упал.

Директорский кабинет был вдвое просторней того по-

мещения, где сидели остальные сотрудники. Одну стену закрывали вертикальные жалюзи, другую занимала голограмма: охваченный цветением болотистый ландшафт под зеленоватым небом. Что-то инопланетное, тропическое.

— Где это? — развязно спросил Саймон, кивнув на голостенку. Пора тряхнуть стариной и применить на практике эксцессерские навыки.

— Не знаю, но мне нравится. — Эмми сбросил темную блестящую куртку (ее тут же утащил робот, выкатившийся из ниши) и уселся на подлокотник необъятного кожаного кресла за директорским столом. — Мне говорили, что это Рубикон.

— Вас надули, — эксцессер сочувственно цокнул языком и покачал головой. — На Рубиконе солнце бледно-желтое, а здесь оно, видите, зеленое! Вам всучили синтезированный пейзаж под видом эксклюзивного снимка, они сплошь и рядом так делают. Я побывал на многих планетах и способен отличить фальшивку. Сразу видно, что это подделка! Посмотрите-ка вот сюда и сюда! — Он наугад ткнул пальцем в разные места голограммы. — Искусственность так и прет, как вонь из мусорного бака, но для того, чтобы это заметить, надо быть знатоком.

— А вы знаток?

Этот молодой директор с женским именем слишком самоуверен. Ощущение собственного превосходства окутывало его, как незримое, но мощное поле, — Саймон сразу это почувствовал. Сейчас Эмми смотрел с выжидающим прищуром; Лейла, повинувшись жесту босса, устроилась в кресле для посетителей и тоже ожидала продолжения.

— У меня за плечами весь мой жизненный опыт, — снисходительно произнес Саймон. — Я старше вас, господин Медо. Я знаю, что такое жизнь и смерть, что такое победы и проигрыши... Я был эксцессером в «Перископе», за это меня оклеветали и бросили за решетку! Я пережил шок, когда узнал, что мой прежний шеф оказался осклизлой зеленой тварью в человеческом теле, с выдвижными срамными органами и мерзкими щупальцами вместо ушей! Тьфу, до сих пор противно...

В лице Эмми что-то дрогнуло — наверное, ему тоже

стало противно, но он овладел собой и ровным голосом осведомился:

— Почему же осклизлой?

— Потому что все негуманоиды осклизлые, других не бывает! Вы видели, как выглядят энбоно? Посмотришь на такую зеленую, как сопля, инопланетную пакость, и никакой блевотины не хватит...

Эмми вроде бы слегка побледнел. Саймон понял, что кое в чем они родственные души: директор «Инфории» тоже ксенофоб.

— Меня много преследовали. У эксцессеров масса недоброжелателей, нас редко кто понимает. Особенно мне досталось от чертовой киборгизованной суки Тины Хэдис, она хотела меня убить! Я такого от людей натерпелся...

— С чего ты взял, что пейзаж синтезированный? — холодно перебил Эмми.

— Потому что видно. — Клисс усмехнулся. — Дешевка! Вы небось большие деньги за эту картинку выложили, как за эксклюзив? Ну-ну... Вот так они и наживаются на неопытных заказчиков!

— Ладно, Саймон... — Эмми провел рукой по лицу, отбросил назад трехцветные пряди. Он выглядел немного ошеломленным, и эксцессер поздравил себя с первой скромной победой. — Будем считать, что мы с тобой заключили пари. Если это фальшивка, я выплачу тебе сто тысяч кредиток. Но если этот пейзаж реально существует и я смогу его тебе предъявить... М-м, у тебя ведь нет денег... Тогда ты съешь свое левое ухо.

— Эммануил, у вас довольно странные шутки. — Саймону стало неудобно: словно шел по теплomu песочку и вдруг наступил в ледяную лужу.

— Какие еще шутки? Мы с тобой заключили пари, Лейла свидетель. — Эмми смотрел на него с невинной улыбкой. — А теперь садись, и поговорим о работе. О той работе, которую ты должен будешь сделать.

— Я еще не знаю, приму ли я ваше предложение... — Саймон развалился в кресле, демонстративно зевнул, хлопнул ладонью по раскрытому рту. — Мы тут поболтали, однако вы меня пока не убедили. У меня есть еще варианты.

Набить себе цену. Раз в него вцепилась «Инфория» — найдутся и другие желающие заполучить знаменитого Саймона Клисса; надо перебрать все возможности и остановиться на самой выгодной.

— Вариантов у тебя всего два. Или ты работаешь у нас — или некий небезызвестный тебе господин Шидал скоро получит подарок: Саймона Клисса, упакованного и готового к употреблению. Шидал уже восемь лет мечтает с тобой расквитаться, очень уж ты досадил ему своим фильмом. — Эмми говорил мягко, но его взгляд оставался холодным. — Недавно я побывал на вечеринке у правозащитников и познакомился с этим приятным человеком. Он перебрал коньяка, да к тому же я кое-что добавил ему в коньяк, так что со мной он был откровенен. Когда я заговорил о тебе, он такое выдал... — Эмми картинно зажмурился. — Не могу не признать, воображение у него богатое, хотя я не понимаю его пристрастия к неэстетичным попыткам.

— Ну, это глупости. — Саймон чуть усмехнулся. — Кто ему позволит меня пытаться? Есть же полиция...

— Саймон, для бывшего эксцессера ты потрясающе наивен. Полиция не проблема, если я обеспечу Шидалу помещение и конспирацию.

— Зачем? — пробормотал сникший Клисс.

— Будешь на меня работать? — вместо ответа спросил Эмми.

Холодный змеиный взгляд его неестественно желтых глаз пугал Саймона больше, чем угрозы насчет Шидала.

— Что я должен сделать? — вздохнул эксцессер.

— Подготовить для «Инфории» один эксклюзивный материал. За хорошие деньги.

— Подготовлю, это раз плюнуть. За сколько?

Сохранить хотя бы видимость независимости... Этот манекеноподобный красавчик не так прост, но он еще не знает, что такое эксцессер из «Перископа».

— Десять тысяч. Накладные расходы за наш счет.

— Вот с этого и нужно было начинать, господин Медо! — Саймон постарался изобразить ухмылку бывалого человека. — А то застрасали меня Шидалом — и зачем? За

десять тысяч я и так все сделаю, сколько надо навалю, мало не покажется!

Эмми слегка поморщился.

«Ага, я тебе неприятен! — злорадно отметил Клисс. — И все-таки ты меня терпишь — потому что я тебе нужен, потому что такие, как я, на вес золота!»

— Одна из наших тем — реформы на Манокаре. Проблема в том, что здесь сложно найти что-нибудь эксклюзивное, не разработанное конкурентами... но мы нашли. Саймон, ты сумеешь подружиться с ребенком?

— С каким ребенком?

— С манокарским. Надо взять интервью у девочки-эмигрантки. С Манокара ее увезли год назад, сейчас она живет на другой планете. Ее родители были репрессированы — смертная казнь за должностной проступок, ты ведь имеешь представление о прежнем манокарском режиме? Девочку вывез оттуда один инопланетный авантюрист, романтическая и трогательная история. — Эмми задумчиво усмехнулся. — Мы хотим сделать о ней репортаж. Нас интересуют приключения девочки, ее отношение к переменам на родине, впечатления от внешнего мира... Ситуация уникальная, нам исключительно повезло. Материал сделаешь ты.

Саймон глядел на директора, чуть приоткрыв рот и наморщив лоб. Он кое-чего не понимал, и в мозгу у него негромко, но настойчиво трезвонил сигнал тревоги. Да, все очень мило, легально, добропорядочно... Экссессеров за такими материалами не посылают!

— Почему я? Разве ваша Лейла не сможет?

— Тут есть одна проблема. Опекуны девочки опасаются покушения и не разрешают ей общаться с посторонними. Мы уже пробовали с ними договориться, но это бесполезно. Не понимаю, чего они боятся: манокарские власти прекратили охоту за беглецами и отменили закон, который приравнивал эмиграцию к уголовному преступлению. Тем не менее девочка постоянно окружена телохранителями, не гуляет одна... Для того чтобы добраться до нее, нужен репортер с твоим опытом.

Резонно... И все равно что-то не так! Саймон почти не сомневался в том, что его привлекли для грязной работы.

Ох, как ему не хотелось связываться с Эмми... но этот тип не из тех, кому можно просто так сказать «нет».

— Как я до нее доберусь, если я бывший эксцессер, только что из тюрьмы? Кто меня к ней подпустит? Господин Медо, я сожалею, но вам лучше нанять другого репортера. Ваш покорный слуга Саймон Клисс есть во всех полицейских картотеках, мои недоброжелатели постарались! — Саймон сбился на заискивающий тон: пусть его оставят в покое. — Меня узнают, а если загримироваться — есть же грим-сканеры, — меня убьют на месте, если разоблачат!

— Сделаем тебе пластическую операцию.

Дополнительные затраты. Вот теперь Саймон окончательно убедился в том, что работенка подвернулась дрянная: никто не пойдет на такие расходы ради обыкновенного репортажа о какой-то манокарской соплячке — репортаж их попросту не окупит. Или предполагается, что материал будет необыкновенный?.. С другой стороны, после пластической операции Саймон Клисс сможет затеряться в Галактике и вдобавок станет более привлекательным... Стоп! Быть привлекательным — это опасно. Эмми наверняка нравится и женщинам, и мужчинам с определенными наклонностями, и впечатление на всех производит благоприятное, но если здесь появится охотник за телами, которому понадобилась новая оболочка, — у кого больше шансов оказаться жертвой, у Саймона или у Эмми? Нет уж, лучше выглядеть так, чтобы не было желающих занять твоё место!

— Я не хочу хорошо выглядеть, — быстро возразил Клисс. — Чтоб никакая пакость не захотела в меня вселиться. Лиргисо до сих пор не поймали, а у него машина, чтобы переселяться в чужие тела. Представьте только, Эммануил, эта омерзительная бестия, безногая, сумчатая, с ушами-щупальцами, разгуливает среди нас в человеческом облике! А ну как это зеленое дерьмо опять захочет поменять оболочку, и кто ему первый подвернется... В общем, жуть. Жизнь вообще жуткая штука. Извините, что я о такой гадости, как Лиргисо. Я хочу сказать, что в наше время лучше не особенно выделяться из толпы, понимаете?

Эмми молча сполз с подлокотника на сиденье черного директорского кресла, откинулся на спинку, прикоснулся



## ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1 . . . . .	5
Глава 2 . . . . .	30
Глава 3 . . . . .	63
Глава 4 . . . . .	100
Глава 5 . . . . .	133
Глава 6 . . . . .	157
Глава 7 . . . . .	195
Глава 8 . . . . .	218
Глава 9 . . . . .	251
Глава 10 . . . . .	268
Глава 11 . . . . .	302
Глава 12 . . . . .	336
Глава 13 . . . . .	378
Глава 14 . . . . .	409
Глава 15 . . . . .	435